УДК 902

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-14-22

Всеволод Игоревич Лясович,*Институт истории, языка и литературы**Уфимского федерального**исследовательского центра РАН**(г. Уфа, Россия),**e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>*

Актуальные направления в новейших исследованиях пьяноборской и кара-абызской археологических культур

Понимание состояния изученности пьяноборской и кара-абызской археологических культур является достаточно актуальным для археологов Приуралья и Прикамья. Разнообразие научных подходов к осмыслению природы и характера указанных культур породили массу вопросов и проблем в научной литературе, касающихся реконструкции древней истории Южного Урала. В статье приводятся и анализируются последние работы, касающиеся истории изучения древностей пьяноборской и кара-абызской археологических культур Южного Урала эпохи раннего железа. На их основе выделены тематические историографические блоки и определены концептуальные направления в изучении упомянутых культур. Сегодняшняя ситуация показывает, что в сфере изучения лесостепных культур Приуралья эпохи раннего железа сложились определённые научные тренды, в которых развивается теоретическое знание древнейшей истории данного региона. Причём, в каждом из них затрагивается конкретная особенность функционирования кара-абызской и пьяноборской археологических культур в эпоху раннего железа на Южном Урале. Автором обозначено шесть актуальных линий развития исследований обозначенных культур: 1) историография; 2) естественно-научные методы в археологических исследованиях; 3) анализ торговых связей; 4) введение в научный оборот материалов раскопок; 5) проблемы хронологии; 6) проблемы генезиса и исторических судеб археологических культур. Во многих случаях данные теоретические разработки учёных перекликаются, формируя круг проблем и интересов, создавая дискуссии или же дополняя научные концепции друг друга. Последняя тенденция позволяет сформировать единую систему знаний и особенностей в понимании исторического развития пьяноборской и кара-абызской археологических культур.

Ключевые слова: ранний железный век, пьяноборская культура, кара-абызская культура, Южный Урал, лесостепное Приуралье, историография

Vsevolod I. Lyasovich,*Institute of History, Language and Literature**Ufa Federal Center, Russian Academy of Sciences**(Ufa, Russia),**e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>*

Actual Trends in the Latest Research of the Pianobor and Kara-Abyz Archaeological Cultures

Today, an understanding of the state of knowledge of the Pianobor and Kara-Abyz archaeological cultures is quite relevant for archaeologists of the Urals and Prikamye. A variety of scientific approaches to understanding the nature of the above cultures gave rise to a lot of questions and problems in the scientific literature relating to the reconstruction of the ancient history of the Southern Urals. This article cites and analyzes recent works related to the history of studying the antiquities of the Pianobor and Kara-Abyz archaeological cultures of the Southern Urals of the early Iron Age. Based on them, thematic historiographic blocks are identified and conceptual directions in the study of the above-mentioned cultures are determined. Today's situation shows that in the field of studying the forest-steppe cultures of the Ural region of the Early Iron Age, certain scientific trends have developed, in which theoretical knowledge of the ancient history of this region is developing. Moreover, each of them touches upon a specific feature of the functioning of the Kara-Abyz and Pianobor archaeological cultures in the Early Iron Age in the Southern Urals. The author outlines six actual lines of development of studies of the above-mentioned cultures: 1) historiography; 2) natural science methods in archaeological research; 3) analysis of trade relations; 4) the introduction into the scientific circulation of excavation materials; 5) problems of chronology; 6) problems of the genesis and historical fate of archaeological cultures. In many cases, these the-

© Лясович В. И., 2020

oretical developments of scientists overlap, forming a circle of problems and interests, creating discussions, or complementing each other's scientific concepts. The latter trend allows us to form a unified system of knowledge and characteristics in understanding the historical development of the Pianobor and Kara-Abyz archaeological cultures.

Keywords: Early Iron Age, pianoborskaya culture, kara-abyzskaya culture, South Ural, Pre-Ural, forest-steppes Pre-Ural, historiography

Введение. Выделение тематических направлений в истории изучения археологических культур представляется важным для конкретизации теоретического знания. Классификация научных работ позволяет разделить изучаемую литературу на определённые смысловые блоки, которые позволят увидеть особенности изучения археологических культур, выделить взаимосвязи между исследованиями. С момента возникновения археологии на Южном Урале и до сегодняшнего дня археологами накоплена огромная источниковая база, опубликовано множество статей и монографий, в которых решаются те или иные проблемы жизнедеятельности пьяноборской и кара-abyzской археологических культур эпохи раннего железа.

Требуется отметить, что историографических работ, посвящённых данным культурам, крайне мало. Поэтому первым шагом для выполнения данной работы считаем необходимым:

а) выделить концептуальную направленность новейших археологических исследований пьяноборской и кара-abyzской археологических культур;

б) на основании последних работ разделить историю изучения пьяноборской и кара-abyzской археологических культур на соответствующие тематические разделы.

Информация по изучению пьяноборской и кара-abyzской культур содержится в самой разнообразной литературе: начиная от периодических изданий, заканчивая объёмными монографиями. Однако в этой статье хотим ограничиться самыми последними работами археологов по данной теме, а именно, работами, выпущенными с 2018 г. по настоящее время. Именно в них содержатся самые свежие данные по изучению обозначенных археологических культур.

Методология и методы исследования. В данной работе применяются три метода, типичные для историографических исследований. Во-первых, задействован историко-генетический метод, раскрывающий причинно-следственную связь между периодами в историографии. Во-вторых, используется проблемный метод, заключающийся в исследовании данной темы по име-

ющимся в научной сфере теоретико-методологическим проблемам. Критический анализ привлекается с целью оценки источников и их соответствию объективности изучаемых в них явлений.

Результаты исследования и их обсуждение. *Историографические работы.* В работе С. Л. Воробьевой собрана информация, которая демонстрирует ход изучения кара-abyzской археологической культуры. Большое внимание уделено изложению взглядов учёных о происхождении кара-abyzской археологической культуры. В меньшей мере затронуты вопросы хозяйства, выделения кара-abyза в отдельную археологическую культуру, а также её хронологическое деление на отдельные этапы существования.

Не совсем понятной является теоретическая и методологическая периодизация истории изучения кара-abyzской археологической культуры [2, с. 269–278]:

1. Простое собирание древностей – до М. С. Смирнова.

2. Научная деятельность А. Х. Пшеничнюка с 1962 г.

3. Осмысление массива накопленных источников с 2003 г.

Здесь важно заметить, что подобное деление истории изучения кара-abyzской археологической культуры не совсем обосновано. Под простым собиранием древностей автором подразумевается сбор археологического материала без каких-либо существенных научных предположений. Однако одной из первых исследователей кара-abyzской культуры стала В. В. Гольмстен, которой были проведены аналогии погребальному обряду Уфимского могильника с культурой Чуди и Костеносными городищами Прикамья, в том числе совершался поиск аналогий и в вещевом инвентаре данного памятника с сибирскими и скифскими древностями. Более того, на основе проведённых исследований В. В. Гольмстен одна из первых сделала вывод, что Уфимский могильник – это некое своеобразное культурное образование. Он имеет ряд сходств в некоторых элементах материальной культуры, как и ряд значительных отличий, а население же, оставившее данный некро-

поль, – свои неповторимые черты. Но даже на основе анализа работ только В. В. Гольмстен периодизацию истории изучения кара-абызской культуры С. Л. Воробьевой нельзя назвать правильной. Кроме этого, открытыми остаются вопросы о перспективных направлениях в исследованиях древностей кара-абызской археологической культуры, т. к. в целом работа развивается в русле историописания, а не историографии.

Естественно-научные методы в археологических исследованиях. Объективные данные, касающиеся развития климатических условий в эпоху раннего железа, принесли работы уфимских учёных В. В. Овсянникова, Н. С. Савельева, Р. Г. Курманова, И. Р. Галлеева и Р. Р. Сулейманова. Им принадлежит цикл статей, посвящённых реконструкции климатических условий, в которых существовали общества эпохи раннего железа. Данные исследования осуществляются с 2017 г. с анализа почвы Бирского селища. На основе изучения грунта с Бирского селища, удалось выяснить, что в предкара-абызскую эпоху (V–IV вв. до н. э.) в Прибелье наблюдалось увлажнение климата. Однако в IV в. до н. э. в этом же регионе наступает масштабная аридизация, которая подтверждается аналогичными результатами исследований Акбердинского-II (5), и Шиповского городищ [13, с. 100].

В плане реконструкции климатических условий существования кара-абызской археологической культуры стало ясным, что территория городища Акбердинское-II (5) в самом начале своего функционирования была покрыта смешанными хвойно-широколиственными лесами. Немногим позднее, фиксируется увеличение открытых пространств с луговым разнотравьем. Пик иссушения климата приходится на середину IV–II в. до н. э. [14, с. 41]. Об этом же и говорят результаты по изучению флоры Предуралья. Упомянутыми авторами (снова на основе анализа почв с кара-абызских памятников) выявлены восемь этапов смены растительности: от широколиственных лесов и открытых пространств со злаками на севере до хвойных лесов с примесью широколиственных элементов на севере и открытых пространств на юге [13, с. 100].

Также была восстановлена последовательность смены климата в Предуралье от тёплого и прохладного (вторая половина суббореала), до сухого и прохладного (конец субатлантика). Примечательно то, что период суббореала и субатлантика разделён временем аридизации [14, с. 41]. Иссле-

дования климата позволили беспристрастно объяснить феномен «сарматизации» населения кара-абызской археологической культуры. До работ названных авторов рассуждения на данную тему основывались на стратиграфии материалов с поселенческих памятников кара-абызской культуры и хронологии материалов из могильников.

Значительную ясность в решение этой проблемы принесла статья Н. С. Савельева, Р. Г. Курманова и Р. Р. Сулейманова, им удалось убедительно синтезировать естественно-научные и исторические данные из раскопок Шиповского городища 2017 г. Повторимся, сарматизация кара-абызского населения объяснялась с помощью стратиграфии инокультурных находок. Теперь для анализа этого же феномена были взяты и археологические артефакты, и пробы почвы из шурфов с территории Шиповского городища [19, с. 242]. Поэтому, подтверждая рассуждения о сарматизации населения, результаты почвоведческого анализа Шиповского городища показали, что в IV–III вв. до н. э. происходит постепенное иссушение климата, а также сокращение площади лесов почти в два раза. Элементы хозяйства кочевников прослеживаются в городище в виде «зольных пятен» с большим количеством керамического материала и гомогенных отходов, свидетельствующих о стойловом содержании скота. Нижние горизонты шурфа № 4, по сравнению с верхними, демонстрируют разнообразие керамического материала, появление костей лошади, увеличение костей МРС [Там же, с. 243].

Сравнивая систему хозяйства населения Шиповского городища эпохи раннего железа с особенностями хозяйства на соседнем памятнике кара-абызской археологической культуры, городище Акбердинское-5 (II), приходим к аналогичным выводам. Работы по анализу почв помогли подойти вплотную к созданию системной картины развития древних обществ в Предуралье в эпоху раннего железа. Археологические материалы и научные гипотезы подтверждаются естественно-научными данными.

Важная информация о палеодемографии пьяноборской культуры была представлена В. В. Куфтериним и С. Л. Воробьевой. Ими был исследован ряд могильников пьяноборской культуры: Ошкинский (I–III вв.), Ново-Сасыкульский (I–III вв.), Тарасовский (Ныргындинская стадия I–II вв.) [10, с. 373–380].

В ходе анализа антропологического материала приходим к выводу, что в пьянобор-

ской среде женское население преобладало над мужским. Пик женской и мужской смертности приходился на 15–19 и 20–29 лет [10, с. 377]. Если первый пик обусловлен периодом активной репродуктивности у женщин, то второй боевыми столкновениями между мужским населением, более того, позднее пьяноборское население находилось в условиях неблагоприятной демографической ситуации. В ходе исследования также подтвердилась идея В. Ф. Генинга о родовом формировании могильников пьяноборской культуры [11, с. 174].

Анализ торговых связей. В 2019 г. вышло первое диссертационное исследование, посвящённое анализу торговых связей пьяноборской культуры: Р. Р. Саттаровым изучаются импортные предметы в контексте характеристики материальной культуры пьяноборья. Сам автор объясняет характер поступления импортов в пьяноборскую среду с позиций односторонней культурной диффузии в виде инфильтрации отдельных предметов материальной культуры, доказывая это тем, что имеющиеся импортные предметы никаким образом не могли появиться в ходе исторического развития пьяноборцев, т. к. не было соответствующих культурных и технических условий [20, с. 3]. Их поставщиками выступали либо сарматы, либо представители кара-абызской культуры, либо население, оставившие памятники писеральско-андреевского типа.

Выстраивание хронологии некоторых видов находок дало почву для выделения характерных этапов развития торговых связей пьяноборья. Первый – южный (II в. до н. э. – I в. н. э.) [20, с. 136]. Импорты, хоть и в небольшом количестве, поступают через сармат. Второй – южный, юго-восточный, западный [Там же, с. 137]. Объём импорта значительно растёт. Он всё так же поступает через сармат, но добавляются посредники в виде кара-абызского и писеральско-андреевского населения.

Отдельное место занимает метод картографирования. С его помощью удалось описать географическую неоднородность импортных вещей в разных частях пьяноборской археологической культуры, которые доказывают обозначенный автором характер поступления импортов к населению пьяноборской культуры.

А. А. Красноперов выдвинул гипотезу о существовании миграций населения азелинских культурных традиций на восток. К примеру, три прогнутые обувные застёжки, найденные в пьяноборских могильниках

Кипчаково I и II, Старый Чекмак I, не характерны для пьяноборья, а показательны для азелинцев [8, с. 131]. В том числе две скульгамы из могильника Афонино и Нырғында I также говорят о попадании азелинских предметов в пьяноборскую среду [Там же, с. 131]. На торговые связи с кочевниками указывают и декорированные сердоликовые бусы. Примечательно, что они не встречаются в пьяноборских погребениях, но замечены в кара-абызских. Родиной этих бус считается Иран [17, с. 67].

Введение в научный оборот материалов раскопок. А. С. Проценко опубликовал результаты своих раскопок северо-восточной части городища Кара-Абыз (2018) Помимо обнаружения кара-абызских артефактов им были найдены материалы XII–XIV вв., которые были атрибутированы с культурой поздних кочевников Башкортостана и Чияликской археологической культурой. Не совсем понятна интерпретация полученной в ходе раскопок исторической информации. На основании находок кара-абызской археологической культуры автор строит вывод о наличии на данном памятнике Кремля и предместий [16, с. 241]. Предместье, в понимании А. С. Проценко, – это широкое жилое кольцо вокруг укрепленной части городища. Однако в 2017 г. им обозначен факт отсутствия жилищ в исследованной неукрепленной части городища, так же как и в исследованиях А. В. Збруевой [17]. Тогда же высказано сомнение по поводу типологии жилищ, и в 2018 г. А. С. Проценко снова приходит к уже упомянутым выводам [16, с. 241].

Последнее исследование В. В. Овсянникова и Н. С. Савельева, затрагивающее предметы вооружения кара-абызской культуры стало «новым» взглядом на проблемы военного дела кара-абызской культуры. Оружие здесь рассматривается не только для анализа морфологии и поиска аналогий. Авторами проделана попытка отобразить духовные практики населения эпохи раннего железа, связанные с оружием. Летом 2017 г. ими были проведены археологические раскопки на городище Акбердинское-II. В ходе работ выяснилось, что на данном памятнике выделяется и реконструируется воинское святилище, характерными признаками которого являются: наличие комплекса металлических вещей (заранее погнутые мечи, чекан с зооморфной глиптикой, фигурка птицы), скопление каменных плит, две столбовые ямки и ряд других находок [15, с. 211].

Авторами высказана гипотеза о том, что именно в среде кара-абызского населения

практиковались культы и верования, заимствованные из кочевой среды [Там же]. Безусловно, эти артефакты появились на окраине городища Акбердинского-II не случайно. Но сказать точно о том, кто и как именно оставил данные материалы, нельзя в силу неспособности восстановить связь между данным объектом и деятельностью конкретных людей или конкретного человека.

В работе А. Г. Колонских была поставлена точка в атрибуции одного из памятников кара-абызской археологической культуры «Курочкино городище» – селище Курочкина гора-I. Используя личные наблюдения окружающего ландшафта, а также поверхности памятника, учёный пришёл к выводу, что данный памятник археологии, скорее, относится к поселению, нежели городищу [7, с. 73]. Сравнивая топографические особенности памятников, было сделано осторожное заключение о выполнении данными памятниками разных поселенческих функций в раннекара-абызском обществе. Также, сравнивая керамический материал с данных памятников, за 2017 и 2015 гг. (В. И. Ляскович), А. Г. Колонских подтвердил их культурную принадлежность.

Проблемы хронологии. Временная атрибуция вещей в пьяноборских и кара-абызских археологических памятниках зачастую строится на сарматских артефактах. В том числе на таком хрономаркере, как наконечники стрел. Наиболее дискуссионным является вопрос датирования процесса смены бронзовых наконечников стрел на железные как среди самих сармат, так и среди пьяноборцев. К примеру, А. С. Скрипкин считает временем утверждения железных наконечников стрел у сармат II в. до н. э., М. Г. Мошкова – конец II – начало I в. до н. э., А. М. Хазанов – I в. до н. э. [5, с. 210].

Бронзовые наконечники стрел в пьяноборских погребениях Юлдашевского могильника А. Х. Пшеничнюк определил III в. до н. э. Более того, некоторые исследователи (Б. Б. Агеев, В. А. Иванов, А. А. Красноперов, Д. Г. Бугров) выдвигали гипотезы «запаздывания» смены бронзовых наконечников стрел на железные вплоть до I в. до н. э. [5, с. 213]. Прибегнув к вещеведческому и планиграфическому анализу погребений, а также к статистической обработке материала, Р. Р. Саттаров и С. Э. Зубов проанализировали наконечники стрел с курганно-грунтового могильника Кипчаковское-I. Им удалось установить, что могильник делится на две части: с погребениями, где имеются только бронзовые наконечники

стрел, и с только железными. Между ними – полоса погребений с обоими вариантами наконечников стрел [5, с. 213]. Принимая во внимание взгляды М. Г. Мошковой на процесс смены процесс бронзовых наконечников железными, Р. Сайтаров и С. Зубов пришли к выводу, что пьяноборское население заимствовало уже готовые технологические схемы изготовления железных наконечников стрел. Поэтому внедрение железных наконечников стрел произошло достаточно быстро: в середине – второй половине I в. до н. э. [Там же, с. 214].

Проблемы генезиса и исторических судеб археологических культур. В комплексной работе Р. Д. Голдина (2018) использует историко-генетический метод для объяснения эволюционной смены культурных маркеров пьяноборского общества. Ей проанализированы застёжки с крючком, выделены их типы и описана практическая значимость. Выдвинута гипотеза об их практическом применении. Преемственность, а также схожесть элементов костюма пьяноборской, кара-абызской и мазунинской культур стали основой эволюционных взглядов автора на развитие археологических культур в Прикамье и Приуралье на рубеже эр. Р. Горлдина доказывает местный характер изготовления металлических элементов костюма (из свинцово-оловянистой бронзы) [3, с. 167]. В рамках исследования торговых связей ей выдвинуто предположение, что сарматские зеркала из свинцово-оловянистой бронзы – это прикамское изделие, поставляемое в сарматский мир [Там же]. Примечательно то, что данная гипотеза полностью противоречит версии о характере торговых связей пьяноборцев с сарматами, описанной в диссертации Р. Р. Саттарова. Анализируя хронологию существования застёжек с крючком, им обоснованы такие временные рамки их существования у оседлых племён Прикамья эпохи раннего железа, как II в. до н. э. – II в. н. э. [Там же, с. 169].

А. А. Красноперовым на примере погребений Бирского и Тарасовского могильников показано единовременное сосуществование носителей пьяноборских и мазунинских культурных традиций. Интересным представляется утверждение, основанное на анализе планиграфии Тарасовского могильника, что мазунинская и пьяноборские части данного памятника – это два самостоятельных могильника [9, с. 58]. На основе картографирования пьяноборских вещей автор пытается реконструировать судьбу пьяноборской культуры III в. Он указывает,

что целые блоки пьяноборского культурного комплекса фиксируются: на западе (азелинский круг памятников и рязано-окские древности); на юге (среди носителей кара-абызских культурных традиций); на востоке (миграция ремесленников в Зауралье, которые принесли с собой традиции изготовления эполетообразных застёжек).

Особенность погребального обряда населения, оставившего Ново-Сасыкульский могильник, выделила С. Л. Воробьева: большое количество парных погребений со взрослыми и детьми в одной могиле и расположение костяков головами в противоположные стороны в коллективных могилах [1, с. 203].

Подтверждая эволюционные трансформации Прикамских и Приуральских культур раннего железного века в культуры раннего средневековья, Р. Д. Голдиной и Н. А. Лещинской проведён анализ вещевого инвентаря нескольких могильников пьяноборской историко-культурной общности [4, с. 17–53]. В первую очередь постулируется, что Тарасовский могильник убедительно демонстрирует плавное развитие населения Среднего Прикамья от пьяноборья к мазунино [Там же, с. 18]. Однако А. А. Краснощёков утверждает, что пьяноборская и мазунинская части Тарасовского могильника – это два разных могильника, волей случая оказавшихся на одном холме. Более того, в мазунинское время могильник был заложен заново. Данный вывод подкреплён планиграфическим анализом погребений могильника. Доводы Р. Д. Голдиной опираются на анализ вещевого инвентаря погребений. Авторы выделяют наиболее распространённые и схожие категории находок внутри всей пьяноборской историко-культурной общности: височные подвески, шейные гривны, керамика, перстни, браслеты, бляшки и др. Анализ данных категорий находок позволил предположить исследователем наличие генетического родства между культурами раннего железного века и раннего средневековья, но не без определённого своеобразия в развитии.

Сходство культур эпохи раннего железа в Прикамье и Приуралье объясняется их общей ананьинской основой при сохранении определённого своеобразия [Там же, с. 30], которое проявляется в характере внешних импульсов и контактов, обусловленных территориальной локализацией культур. Но упускается из виду ряд ответов на важные вопросы: Почему пьяноборские культурные традиции сменились на мазунинские? Что стало причиной данному явлению? Ответы

на них позволили бы действительно точно определить характер развития указанных культур.

Относительно изучения пьяноборских и кара-абызских древностей работу Р. Р. Руслановой (2018) нужно отнести к исследованиям, посвящённым изучению генезиса и исторической судьбы археологических культур. Тем не менее, в ней обозначен товарный контакт между кара-абызом и Ближним Востоком. Особенность этого исследования – синтез между двумя философскими подходами к пониманию процесса возникновения мазунинской и бахмутинской археологических культур: эволюционизм и диффузионизм. Бахмутинская культура возникла благодаря заимствованию и распространению одних культурных элементов на другие. Происхождение пьяноборской, кара-абызской и бахмутинской археологических культур объясняется как результат взаимодействия местного населения с пришлым. К примеру, пьяноборская и кара-абызская культура сложились в результате взаимодействия последних с сарматами [18, с. 14] (данное предположение идёт вразрез с взглядами В. Ф. Генинга, Е. М. Черных и Р. Д. Голдиной).

В II–III вв. пьяноборско-кара-абызские племена, благодаря приходу новой группы населения, трансформируются в бахмутинскую культуру [Там же, с. 14]. Исходя из данного тезиса, трансформация данных обществ раннего железного века в общества эпохи раннего средневековья – это диффузионистский процесс. Прямо противоположного мнения придерживается Р. Д. Голдина (2018), которая считает, что притока нового населения в Прикамье в III в. не наблюдалось, а мазунино – это плавная эволюция пьяноборья и кара-абыза [4, с. 18]. Помимо этого, происхождение мазунинской (раннебахмутинской) археологической культуры Р. Р. Русланова пытается объяснить и преемственностью между пьяноборско-кара-абызскими комплексами и раннебахмутинской культурой [18, с. 15]. Эта преемственность подтверждается деталями погребального обряда и наличием в ранних погребениях Уфимско-Бельского междуречья находок позднего пьяноборья (I–III вв.) [Там же]. Если говорить о преемственности культурных элементов, то мы имеем дело с эволюционизмом.

Ещё одним доводом эволюционного развития кара-абыз-пьяноборье-мазунино, противоречащим названным, служит то, что многие детали мазунинского погребального

обрядов и инвентаря восходят к пьяноборскому времени: конструкция могил, украшения в виде бронзовых шейных подвесок из круглых щитков с петелькой и двумя-тремя кружочками, ременные накладки, костяные втульчатые наконечники стрел и др. [18, с. 15].

В диффузионистском понимании истории значительное влияние на формирование бахмутинской культуры оказало влияние извне. В качестве доказательной базы здесь приводится Старомуштинский курганно-грунтовый могильник, где, по мнению уже Ф. А. Сунгатова, Г. Н. Гарустовича и Р. М. Юсупова, отдельно в курганах захоронены пришлые племена, а в грунтовых – местные. Развивая эту мысль, исследователи выдвигают тезис, что Бирский могильник генетически восходит к культуре местного (пьяноборского и кара-абызского) населения эпохи раннего железного века, с некоторым влиянием культуры кочевников южно-уральской лесостепи [Там же, с. 19].

Продолжает тему диффузионизма описание контактов оседлого и кочевого населения, начиная с пьяноборской и кара-абызской археологических культур. Предметы, которые стали объектом импорта в местную среду, – крупные коллекции бус, раковин каури, фибул, бронзовых зеркал, оружия, рим-

ской бронзовой посуды с памятников Ика и Белой начала I тыс. н. э. (Новосасыкульский могильник, Камышлытамакский). Диффузионистского взгляда на сложение мазунинской культуры придерживается В. А. Иванов. Влияние «извне» на пьяноборскую культуру он отождествляет с поздними сарматами, оставившими Тураевские, Старомуштинские и Харинские курганы [6, с. 30]. Роль представителей позднесарматского этнокультурного мира в формировании мазунинской культуры носит культурологический характер и отразилась только в изменении облика материальной культуры [Там же].

Заключение. Таким образом, в истории изучения пьяноборской и кара-абызской археологических культур можно выделить шесть узкоспециализированных научных трендов, отражающих особенности существования указанных культур в эпоху раннего железа на Южном Урале. Становятся всё более популярными и востребованными междисциплинарные комплексные исследования, связанные и с естественно-научными методами и анализом археологического материала. На наш взгляд, они дают наиболее полные ответы на изучаемые учёными проблемы. В меньшей степени в этом вопросе развивается историография.

Список литературы

1. Воробьева С. Л. История изучения и особенности погребального обряда Ново-Сасыкульского могильника эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 201–204.
2. Воробьева С. Л. Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 268–291.
3. Голдина Р. Д. Застёжки с крючком Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 150–177.
4. Голдина Р. Д., Лещинская Н. А. О пьяноборской историко-культурной общности // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 17–53.
5. Зубов С. Э., Саттаров Р. Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 210–214.
6. Иванов В. А. Отображение этнических процессов на Южном Урале в эпоху средневековья в археологических материалах (проблема аутентичности и доверительности) // Этнос. Общество. Цивилизация: V Кузеевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Диалог, 2018. С. 28–33.
7. Колонских А. Г. Археологический комплекс на Курочкиной горе. // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. 2018. Вып. 3. С. 71–74.
8. Краснощёров А. А. Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 130–178.
9. Краснощёров А. А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времён в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 56–86.
10. Куфтерин В. В. К палеодемографии Ново-Сасыкульского могильника // Этнос. Общество. Цивилизация: V Кузеевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Диалог, 2018. С. 373–380.
11. Куфтерин В. В., Воробьева С. Л. К палеодемографии пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 164–179.
12. Овсянников В. В. Естественно-научные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участие. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 232–234.

13. Овсянников В. В., Курманов Р. Г. Палинологические исследования культурного слоя Бирского поселения // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 88–102.
14. Овсянников В. В., Курманов Р. Г., Савельев Н. С., Галлеев И. Р. Реконструкция растительности и климата Южного Урала в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. № 1. С. 35–44.
15. Овсянников В. В., Савельев Н. С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.
16. Проценко А. С. Кара-Абызское городище в лесостепи Предуралья: новые материалы // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 240–242.
17. Проценко А. С. Некоторые итоги изучения кара-абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.) // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 127–135.
18. Русланова Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башк. энц., 2018. 376 с.
19. Савельев Н. С., Курманов Р. Г., Сулейманов Р. Р. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 242–244.
20. Саттаров Р. Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н. э. – II в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2019. 324 с.

Статья поступила в редакцию 25.07.2020; принята к публикации 28.08.2020

Сведения об авторе

Лясович Всеволод Игоревич, научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального Исследовательского центра РАН; 450054, Россия, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, лит. У8; e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>.

Библиографическое описание статьи

Лясович В. И. Актуальные направления в новейших исследованиях пьяноборской и кара-абызской археологических культур // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 14–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6.

References

1. Vorob'eva, S. L. The history of study and the features of the funeral rite of the Novo-Sasykul burial ground of the Early Iron Age. XXI Ural archaeological meeting. Proceedings of the all-Russian conference with international participation. Samara, 2018: 201–204. (In Rus.)
2. Vorob'eva, S. L. Forest-steppe part of the Southern Urals in the Early Iron Age: the history of the study of the issue and prospects for research. Archeology of the Eurasian steppes, no. 2. pp. 268–291, 2019. (In Rus.)
3. Goldina, R. D. Clasps with hooks of the Tarasov burial ground. Volga archeology, no. 1, pp.150–177, 2018. (In Rus.)
4. Goldina, R. D., Leshchinskaya, N. A. About the Pianobor historical and cultural community. Archeology of the Eurasian steppes, no. 1, pp.17–53, 2018. (In Rus.)
5. Zubov, S. E., Sattarov, R. R. Arrowheads of the Pianobor culture as chronological markers (based on materials from the Kipchakovsky I burial ground burial complexes. XXI Ural archaeological meeting. Proceedings of the all-Russian conference with international participation. Samara, 2018: 210–214. (In Rus.)
6. Ivanov, V. A. Reflection of ethnic processes in the Southern Urals in the Middle Ages in archaeological materials (the problem of authenticity and trust). Ethnicity. Society. Civilization: Fifth Kuzeev Readings. Proceedings of the all-Russian Scientific and Practical Conference Ufa, 2018: 28–33. (In Rus.)
7. Kolonskih, A. G. Archaeological complex on Kurochkina Gora. ArchLab. Archeology of the Urals: time, monuments, people. Collection of scientific articles, no. 3, pp. 71–74, 2018. (In Rus.)
8. Krasnoperov, A. A. Azelino: move east. Finds of Azelin things east of the main area. Archeology of the Eurasian steppes, no. 1, pp. 130–178, 2018. (In Rus.)
9. Krasnoperov, A. A. Nachronisms among funerary inventory. Pianobor things in Mazunin burials: the process of changing times in the Kama region. Archeology of the Eurasian steppes, no. 1, pp. 56–86, 2018 (In Rus.)
10. Kufferin, V. V. To paleodemography of the Novo-Sasykul burial ground. Ethnicity. Society. Civilization: Fifth Kuzeev Readings. Proceedings of the all-Russian Scientific and Practical Conference Ufa, 2018: 373–380. (In Rus.)
11. Kufferin, V. V., Vorob'eva, S. L. To paleodemography of Pianobor culture. Volga archaeology, no. 1, pp. 164–179, 2019. (In Rus.)

12. Ovsyannikov, V. V. Natural science studies of the cultural layer of settlements of the Gulf of the early jelly era. XXI Ural archaeological meeting. Proceedings of the all-Russian conference with international participation, 2018: 232–234. (In Rus.)
13. Ovsyannikov, V. V., Kurmanov, R. G. Palynological studies of the cultural layer of the Birsky settlement. Volga archaeology, no. 3, pp. 88–102, 2018. (In Rus.)
14. Ovsyannikov, V. V., Kurmanov, R. G., Savel'ev, N. S., Galleev, I. R. Reconstruction of vegetation and climate of the Southern Urals in the subboreal and subatlantic (based on materials from the monuments of Kara-Abyz culture). Geological Bulletin, no. 1, pp. 35–44, 2019. (In Rus.)
15. Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S. The military sanctuary on the Akberdinsky II settlement. Archeology of the Eurasian steppes, no. 2, pp. 201–226, 2019. (In Rus.)
16. Protsenko, A. S. Kara-Abyz settlement in the forest-steppe of Prsduralie: new materials. XXI Ural archaeological meeting. Proceedings of the all-Russian conference with international participation. Samara, 2018: 240–242. (In Rus.)
17. Protsenko, A. S. Some results of the study of the Kara-Abyz settlement (based on the materials of reconnaissance works in 2015). Archeology of the Eurasian steppes, no. 4, pp. 127–135, 2018. (In Rus.)
18. Ruslanova, R. R. Beads of the South Urals based on materials from necropolises of the III–VIII centuries. Beads of the South Urals based on materials from necropolises of the III–VIII centuries. Ufa: Bashk. encikl., 2018. (In Rus.)
19. Savel'ev, N. S., Kurmanov, R. G., Suleimanov, R. R. The first results of comprehensive research of the Shipovsky settlement in the forest-steppe of the Southern Urals. XXI Ural archaeological meeting: 242–244. (In Rus.)
20. Sattarov, R. R. Imported objects in Pianobor culture (end of II century BC – II century AD). Cand. sci. diss. Kazan, 2019. (In Rus.)

Received: July 25, 2020; accepted for publication August 28, 2020

Information about author

Lyasovich Vsevolod I., Research Assistant, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Center, Russian Academy of Sciences; 8 lit. U st. 71, Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, Russia; e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>.

Reference to the article

Lyasovich V. I. Actual Trends in the Latest Research of the Pianobor and Kara-Abyz Archaeological Cultures // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 14–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-14-22.